

Иллюстрация: [Анастасия Пожидаева](#) для ОВД-Инфо

19.04.2019, 00:22 [Вся Россия](#)

СТАТЬИ

Избирательная фиксация: как используют видео, записанные правоохранителями

Нагрудные видеорегистраторы постепенно становятся обязательной деталью полицейской экипировки. Но если записаны противоправные действия полицейских, запись может «потеряться». Ответственности для правоохранителей за это не предусмотрено. Также и со стационарными камерами в МВД и ФСИН.

Российская полиция следует мировому тренду: [считается](#), что запись работы полицейских может существенно снизить количество ситуаций, когда они берут взятки или избивают людей. Видеофиксация должна дисциплинировать и задержанных.

Еще в 2015 году было **объявлено** о планах МВД закупить 200 тысяч видеорегистраторов — всего в министерстве работает около миллиона человек. Видеорегистраторы стали массовым явлением в московской полиции. Постепенно их внедряют в регионах и используют на мероприятиях, к которым приковано повышенное внимание. Например, раздают полицейским, охраняющим избирательные участки.

Омбудсмен Татьяна Москалькова **предлагала** МВД и Росгвардии фиксировать на видео все задержания на акциях протеста. Но пока в жизнь эта идея не воплощена.

Покупали сами

О том, как видеофиксация входила в жизнь полиции, ОВД-Инфо рассказал Федор, администратор паблика «ВКонтакте» **«Полиция 2.0»**. Федор — бывший сотрудник МВД и участник нескольких проектов в соцсетях, посвященных правам полицейских. Он говорит, что сначала полицейские видеорегистраторы были опробованы в ГИБДД. Потом они постепенно распространялись на другие подразделения.

— Раньше видеорегистраторы выдавались в очень малом числе отделов, единичные случаи в масштабах системы, но сейчас их выдают все больше. Происходят резонансные происшествия с полицейскими, когда правильность их действий подтверждается только с их слов против слов другой стороны. Как правило, ситуация разворачивается не в пользу сотрудников полиции, — говорит Федор.

Он приводит в пример **дело** полицейского Кирилла Шукурова, обвиненного в избиении задержанного, и **дело** о смерти задержанного Станислава Головки в отделе полиции. В пабликах в соцсетях о правах полицейских требовали, чтобы сотрудники добивались выдачи регистраторов. Если не выдают — покупать самим.

— Сотрудники стали покупать и носить видеорегистраторы, потом их стали выдавать в подразделениях. И вот сейчас начались жалобы от сотрудников уже на сами регистраторы. Полицейские просят подсказать, как откосить от их ношения, — рассказывает Федор. — Личный регистратор на то и личный: куплен за твои деньги, является твоей собственностью, его выключил и унес домой. А служебные сдаются после смены — удалить или отредактировать видео сотрудники не могут. Любое отступление от правил несения службы они сами же и зафиксируют, а руководитель вечером отсмотрит запись в кабинете и накажет. Ему даже нет необходимости бегать по улице и проверять наряды.

Федор говорит, что никакой единой системы сбора и учета видео с регистраторов в МВД не существует. Что делать с записями, решает руководство конкретного подразделения.

— Были случаи, когда от сотрудников хотели избавиться. Поднимали записи, слушали, что они там говорят, находили мат в общении полицейских друг с другом и давали за это взыскания. Сотрудник должен понимать, что его все время пишут, — рассказывает Михаил Пашкин, председатель Московского межрегионального профсоюза полиции и Росгвардии.

— Не все любят пользоваться регистраторами. Кто-то, бывает, «случайно» уронит видеорегистратор в унитаз. У нас был такой случай: запись на регистраторе восстановили, и стало понятно, что сотрудник кинул его специально. Ему за это ничего не было: он был членом нашего профсоюза, с ним не захотели связываться. Но мы его из профсоюза исключили, — продолжает он.

По словам Пашкина, за порчу регистратора с полицейского могут взыскать его стоимость. Если

сотрудник самовольно выключил запись, наказание происходит на усмотрение его руководителя.

Пашкин рассказывает, что в Москве видеорегистраторы в первую очередь раздают в ГИБДД, ППС и тем полицейским, кто несет службу в метрополитене. Записи с видеорегистраторов хранятся 1–2 месяца.

Полицейскому профсоюзу удастся использовать видеофиксацию, чтобы отстаивать интересы своих членов.

— У нас было дело по ОВД «Таганский». Замначальница толкнула беременную сотрудницу, члена нашего профсоюза. Затем пошла в дежурную часть и велела стереть запись. Но следователь молодец, через три дня изъяс компьютер. Запись полгода восстанавливали и восстановить смогли. Стоило это очень дорого, а фирма, восстановившая запись, получила благодарность от Бастрыкина. Толкнувшую осудили на четыре года условно, — рассказывает лидер профсоюза.

Пашкин признает: если в случае конфликта с гражданским человеком видео будет не в пользу полицейского, вероятно, оно «пропадет».

Не несут ответственность

Если видеорегистраторы у полицейских — новая для России практика, то тюремщики носят их давно. До этого отделы полиции и объекты ФСИН были оборудованы стационарными видеокамерами.

Ситуация с видеофиксацией у правоохранителей подробно разбирается в докладе российских правозащитников в Комитет против пыток ООН 2018 года, подготовленном при участии ОВД-Инфо.

В докладе отмечается, что видеофиксация не прописана в законодательстве. Эти вопросы регулируют ведомственные приказы ФСИН и МВД, которых часто нет в открытом доступе. Никаких наказаний

за фальсификацию или уничтожение видеозаписей закон не предусматривает.

Глава российского Комитета против пыток (КПП) Игорь Каляпин рассказал ОВД-Инфо, что к делам, которые ведет КПП, видеозаписи обычно не приобщают — хотя это важнейшие свидетельства в конфликтных ситуациях между гражданами и правоохранителями.

— Следователи стабильно затягивают отправку запросов об изъятии видео. Потом им очень медленно отвечают, и положенный срок хранения проходит. Ничем другим, кроме согласованности действий Следственного комитета с МВД и ФСИН, я объяснить это не могу, — говорит Каляпин.

Он подчеркивает, что в худшем случае за утрату видеозаписи правоохранители несут дисциплинарную ответственность — им объявляют выговор. Но иногда не происходит даже этого.

— Просто придумываются причины, почему камера не работала: была в ремонте, технический сбой. Громкое **дело** Оюба Титиева в Чечне: сколько камер там? Никто их проверять не стал, хотя защита об этом ходатайствовала, — продолжает Каляпин.

Глава Комитета против пыток приводит еще один пример. Когда на его сотрудников и сопровождавших их журналистов напали и **сожгли** автобус, по всей трассе стояли камеры, но все оказались «неработающими». В Нижнем Новгороде несколько лет назад полковника ФСБ убили в одиночной камере, рассказывает Каляпин. Полковник был особо важным обвиняемым, его специально посадили в «одиночку» с видеокамерой. Ночью туда зашли, забили его насмерть. Видеокамера в этот момент была выключена.

Хранить на стороне

В делах о причинении вреда полицейским следствие может отказаться смотреть записи уличных камер, полностью положившись на показания правоохранителей. Так **было**, например, в случае с Вячеславом Шатровским, осужденным за конфликт с полицейским во время «революции Мальцева». С такой же практикой сталкивается фонд «Общественный вердикт»:

— По нашим уголовным делам мы никогда не получаем нужный нам видеоархив. По **делу** Мухамедьяновой (об избиении и изнасиловании в отделе полиции в Магнитогорске — *ОВД-Инфо*) нам с трудом удалось добиться выдачи нужной нам видеозаписи, хотя и Следственный комитет на этом настаивал.

Но мы получили ее очевидно монтированной, — рассказывает сотрудник фонда Асмик Новикова.

— Из дела Макарова (о пытках в ярославской ИК-1 — *ОВД-Инфо*) **следует**, что видео с пытками снимали для отчета начальству: что было проведено воспитательное мероприятие.

Когда возбудили уголовное дело, следователь запрашивал видео из колонии. Ему прислали запись, но другую. На ней Макарова выводят из камеры, и он говорит, что не намерен выполнять приказы тюремщиков, к нему применяют силу.

— У нас есть **дело** Битаева — он заключенный, сидит в Красноярском крае. Его, как мы считаем, несколько раз необоснованно направляли в ЕПКТ и ШИЗО.

Мы запрашивали видеоподтверждения нарушений, в которых его обвиняют. У нас есть шесть взаимоисключающих ответов, почему нам видео не могут предоставить, — говорит Новикова.

Сначала во ФСИН сказали, что у них был сбой электричества. Тогда правозащитники подали запрос в энергетическую компанию, ответственную за эту колонию. Им официально ответили, что сбоя

электричества не было. Затем ФСИН сослалась на какие-то проблемы с жестким диском.

Сейчас правозащитные организации, по словам Новиковой, в вопросе видеофиксации больше занимаются ФСИН, чем МВД. Добиваются, чтобы хранением видеозаписей занималась структура, не связанная с ФСИН.

— Полиция не настолько изолированная структура. Всегда можно найти кого-то, то сидел в соседней камере и кого отпустили. Есть люди с улицы, которые видели, как человек целый и невредимый заходил в полицию, а через три часа его увезли на скорой. В колонии независимых свидетелей найти нельзя. Возможные свидетели в колонии — другие заключенные, которые, как и потерпевший, находятся в зависимости от потенциальных нарушителей, — поясняет она.

```
[class^="tooltip"] { position: relative; border-bottom: 1px dashed #F04E23;
cursor: pointer; } [class^="tooltip"]:after { opacity: 0; visibility: hidden;
position: absolute; content: attr(data-tooltip); padding: 6px 10px; top: 1.4em;
left: 50%; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(-2px); transform:
translateX(-50%) translateY(-2px); background: grey; color: white; white-
space: pre-wrap; z-index: 2; border-radius: 2px; font-size: 14px; line-height:
20px; -webkit-transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -
webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity
0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-
bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09,
0.08, 1), transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition:
opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform 0.2s cubic-
bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64,
0.09, 0.08, 1); } [class^="tooltip"]:hover:after { display: block; opacity: 1;
visibility: visible; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(0);
transform: translateX(-50%) translateY(0); } .tooltip--left:after { top: -4px;
left: 0; -webkit-transform: translateX(-112%) translateY(0); transform:
translateX(-112%) translateY(0); } .tooltip--left:hover:after { -webkit-
transform: translateX(-110%) translateY(0); transform: translateX(-110%)
translateY(0); } .tooltip--right:after { top: -4px; left: 100%; width: 320px; -
webkit-transform: translateX(12%) translateY(0); transform:
translateX(12%) translateY(0); } .tooltip--right:hover:after { -webkit-
transform: translateX(10%) translateY(0); transform: translateX(10%)
translateY(0); } .tooltip--triangle:before { content: ""; width: 0; height: 0;
border-left: solid 5px transparent; border-right: solid 5px transparent;
border-bottom: solid 5px grey; opacity: 0; visibility: hidden; position:
```

```
absolute; -webkit-transform: translateX(-50%) translateY(-2px); transform:
translateX(-50%) translateY(-2px); top: 1.1em; left: 50%; -webkit-transition:
opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s
cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64,
0.09, 0.08, 1), -webkit-transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1);
transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), transform 0.2s
cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); transition: opacity 0.2s cubic-bezier(0.64,
0.09, 0.08, 1), transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1), -webkit-
transform 0.2s cubic-bezier(0.64, 0.09, 0.08, 1); z-index: 3; } .tooltip--
triangle:hover:before { display: block; opacity: 1; visibility: visible; -webkit-
transform: translateX(-50%) translateY(0); transform: translateX(-50%)
translateY(0); }
```

